

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)+122+14+16

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-93-101

НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 2)

Колесниченко Ю.В.

Институт деловых коммуникаций

125323, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье продолжается изучение метафизической основы шпетовского знания. Обозначенная проблема, не получившая до настоящего времени своего решения в отечественной историко-философской литературе, является одной из ключевых в определении принадлежности философии выдающегося мыслителя Г.Г. Шпета к русской философской традиции. Результаты исследования материалов обширной базы источников, а также применение герменевтической техники исследования, использование исторического, аналитического, синхронического, диахронического, идеографического и номотетического методов, некоторых приёмов психолингвистического анализа дают возможность причислить философа Шпета к поколению отечественных философов, имевших глубинной (неявленной) основой своего творчества субстанциональное единое – личность, понимаемую как личностность, как основу онтического, конкретного бытия.

Ключевые слова: Шпет, личность, личностность, онтическое бытие, субстанциональность, метафизика, феноменология, герменевтика, социальная психология, затекст.

THE UNMANIFESTED SUBSTANTIALITY OF G. SPET'S PHILOSOPHY (PART 1)

Yu. Kolesnichenko

Institute of Business Communications

4, Pudovkina st., Moscow, 125323, Russian Federation

Abstract. The article is an approach to solving an important historical philosophical task of defining the specifics of G. Spet's metaphysics. The mentioned problem that has not been yet solved in the national philosophical literature seems to be the most important task in defin-

ing the affiliation of Spet's philosophy with the Russian philosophical tradition. Being based on vast historical data, accomplished with historical, hermeneutical, analytical, ideographical and nomothetical research methods, followed by certain psycholinguistics techniques ("off/text- concept" definition) the research allows us to associate G. Spet with other philosophers of the Russian philosophical tradition of the 1920–1930-s. It also allows us to qualify Spet's philosophy as deeply centered on an unmanifested concept of the substantiality of "litchnost" (taken as "litchnostnost") – the basis for the ontic concrete Being.

Key words: G. Spet, litchnost', litchnostnost', ontic Being, substantiality, methaphysics, phenomenology, hermeneutics, social psychology, off-text.

Прежде всего, необходимо представить себе здесь Г.Г. Шпета не только немецким философом, учеником Э.Г. Гуссерля и сторонником западного стиля философствования (что, безусловно, было явлено им в своих многочисленных трудах), но также и как последователя философии всеединства В.С. Соловьева, глубинную метафизику которого Шпет положил в затекст всех своих явленных форм «очевидного» философствования. Оставаясь верным своему научному подходу к философской конкретике, манифестирующей стороне философского творчества, Шпет тем не менее всегда интересовался его метафизической, субстанциональной, «положительной» стороной. Соприсутствующая субстанциональность – в неявленной форме – порой определяла собой всю логику повествования той или иной его работы на конкретно-философскую тему. Отсюда, как нам представляется, те самые необъяснимые с точки зрения логики самого предмета исследования пассажи Шпета в адрес индивидуальности, буквально прорывающие плотную ткань безукоризненной логики изложения феноменологической проблемы, ломающие её и предлагающие объяснительную схему, основанную на иной логике, доселе в произведении не присутствовавшей

вовсе [5, с. 112]. Так, в работе «Искусство как вид знания» с целью «перейти от симпатического (психологического) понимания индивида к уразумению индивидуальности его смыслополаганий», по мнению Н.С. Плотникова, философ стремится «рассмотреть *лицо* как отдельный *предмет* нашего понимания, который и становится носителем смысла». «Иначе говоря, – продолжает исследователь Шпета, – необходимо воздержаться от личного отношения к "лицу", чтобы уразуметь его как воплощения смысла» [5, с. 112]. От понятия «лица» Шпет переходит к понятию «личность», отчётливо давая понять, что именно он понимает под личностью. И это не только герменевтическое или даже социально-философское его толкование, но онтогносеологическое. Вот как сам философ понимает термин личность: «Личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, *онтические, логические* (курсив мой – Ю.К.) и поэтические формы» [12, с. 286]. Для нас принципиально важно подчеркнуть здесь два главных момента концепта личности, отмеченные Шпетом как обязательные для понимания его сути, а именно: онтичность и особенность логики постижения её сущности. Эти два момента относятся к онтогносеологическому направле-

нию творчества Шпета как общефилософскому контексту его творчества, стягивающему полю, философскому гештальту его метафизики. Представляется, что именно в таких моментах творчества якобы неожиданно Шпет проявляет себя не как правоверный гуссерлианец (общее место историко-философской рецепции его творчества) и даже не как последователь философии жизни В. Дильтея, но как последовать философии всеединства Вл. Соловьёва, предполагающего к субстанциональности «положительной» философии (классификация самого Шпета) «второе абсолютное», а именно личность, понятую как субстанциональность, как личностность. Не индивид, не психологическое «Я», не тем более субъект (как ограниченно-функциональные понятия) положены к субстанциональности, но личность. Как считает О.Г. Мазаева, «на роль “первой философии”, согласно Шпету, вполне могла бы претендовать феноменология, которую, по мнению одних (толкователей Шпета – Ю.К.), можно считать единой и постоянной основой его исследовательских проектов, по мнению других, феноменология является только исходной, но исчезающей основой в развитии его идей, от феноменологии он переходит к герменевтике и т. д.» [6, с. 139]. В 20–30-х гг. XX столетия феноменологическая составляющая философии Шпета действительно исчезает, но в совершенно определённом смысле – исчезает как философская парадигма. На её место во всё более явной форме встает нечто затекстовое, нечто бесспорно стягивающее его творчество в единое метапроизведение положительной философии на русской почве, и это есть

метафизика личностного бытия, личности – субстанциональной величины самого конкретного живого бытия.

Г. Шпет, отказывая субъекту в субстанциональности, делает это в силу ограниченной функциональности данного понятия. Личность же по умолчанию незримо, порой в очевидной форме соприсутствует его размышлениям там и тогда, когда речь идёт о необходимости поиска конечных оснований знания, конечных оснований бытия. Так, В.И. Молчанов, на наш взгляд, справедливо предполагает, что Шпет был ближе к Гегелю, а отнюдь не к феноменологу Гуссерлю, на том основании, что искал, «как категории могут соотноситься с реальностью» [2], что у Шпета доминирует вопрос: «Как возможно понятие, которое выражает живую жизнь?» [2]. Согласившись с Молчановым в первой части утверждения, сделаем замечание по второй, а именно по «основному вопросу» философии у Шпета. Представляется, что ответ на этот вопрос был Шпету известен и что он ответил на него утвердительно, определив тем самым свою философию в ранг положительных учений. Кроме того, он использовал это понятие (личность, понятую как абсолютную основу социального бытия) в арсенале своих познавательных средств. Представляется, что это понятие было не только инструментарием, но также базисом его философствования в целом. Как справедливо отмечает И.М. Чубаров, Шпет «чётко отличает личность от индивида, а тем более от психологического субъекта познания» [2].

В связи с вышесказанным, мы согласны с венгерской исследовательницей творчества Г. Шпета Анной Хан,

утверждающей, что “герменевтическая коррекция” феноменологии Гуссерля была представлена Шпетом именно в духе экзистенциальных и философских потребностей современной ему русской культурной ситуации начала XX в. <...> Но поскольку действительность ... у Шпета всегда понимается в своём социально-историческом измерении ... его философские поиски были направлены в сторону опыта построения *социальной онтологии...*» [2]. А. Хан замечает, что «вполне в духе платонизма (мы бы добавили, и в русле традиций русской философии – Ю.К.?) мысль Шпета направлена на поиски “онтологического всеединства...” [2]. Основную свою исследовательскую задачу Шпет, таким образом, видел в изучении бытия познающего субъекта, в развиваемой им феноменологии не как теории познания, но как теории самого бытия. В отличие от Гуссерля, Шпет выделял социальное бытие как особый тип и видел своей задачей, как и задачей феноменологии в целом, борьбу с гносеологическим субъективизмом и психологизмом (уплощающим и упрощающим, по мнению Шпета, понимание сложной предметности наличного бытия).

Подвергая ретроспективному анализу работы Шпета на наличие «личностного бытия», отметим, что ещё в таких философских работах, как «Явление и смысл», а также «Сознание и его собственник», приверженец строгой философии как науки (феноменологии) тем не менее обращается к теме конечного оправдания знания как конкретного живого бытия, полагая, что «феноменология как основная наука в сущности конкретного единичного встречает низший вид как предел, за

которым начинается *чистая жизнь*» [8]. Прав А.Э.Савин, подчёркивая, что «проблема “я” как личности, как ансамбля общественных отношений становится ключевой» [2]. Феноменология по Шпету, таким образом, «находит свой предел во всякого рода индивидуации» [8].

Здесь мы сталкиваемся с интересным моментом, который получит в творчестве Шпета дальнейшее развитие, но уже в области социальной философии. Дело касается одного из центральных понятий классической феноменологии, а именно понятия “чистого Я”. Г. Шпета небезосновательно волнует вопрос о том, «каким образом то, что чистое Я, как некоторая трансцендентность, не подвергается тем не менее редукции, согласуется с самой постановкой проблемы: произвести феноменологическую установку на одно абсолютное, имманентное, и редуцировать всё трансцендентное, как не абсолютное, а обусловленное, мотивированное, относительно? Строгость метода требовала, чтобы мы редуцировали даже абсолютное трансцендентное, как Бог, почему же мы оставляем другое трансцендентное, которое тоже должно быть абсолютным, но всё же оно подобно первому *трансцендентному*» [8]. Это суждение содержит аллюзии «второго абсолютного» Вл. Соловьёва, по сути, из его феноменологической «Теоретической философии» [3] с той лишь разницей, что Соловьёв сущностно обозначал субстанциональность этого «второго абсолютного», а именно человеческой личности, в отчётливо явленной форме. Шпет же, погружённый в чистоту феноменологического пространства, вынужден на этапе предельных границ

этого знания уйти в иную область понятийных определений, «предполагая не столько решение проблемы, сколько намечая тот путь, в направлении которого она должна быть решена» [8]. Г. Шпет отмечает трансцендентность абсолютного «Я» «в первом его значении», т. е. в абсолютном основании всякого сознания. Здесь философ делает следующий важный онтогносеологический вывод относительно возможности всякого феноменологического, т. е. истинно научного, по его мнению, знания. Характеризуя трансцендентное «Я» в своем первом (изначальном, фундаментальном – Ю.К.) значении, Шпет подчёркивает: «Его бытие принадлежит к его собственной сущности, – истинное, подлинное бытие, бытие по существу, но бытие не коррелятивное бытию сознания, как всякое другое трансцендентное, эмпирическое или идеальное бытие, а бытие абсолютное, по отношению к которому только, поскольку оно выражается актуально в сознании, *есть* и всё остальное, это – бытие самого же имманентного сознания» [8].

Видится, что именно здесь Шпет-феноменолог оправдывает положительный статус своей философии попыткой уяснения характера субстанциональности живого бытия, чистой жизни: «Бытие как таковое, абсолютное бытие, относится к сущности Я» [8], т. е. к познающему инварианту бытия личностного.

Необходимо тем не менее оговориться, что применительно к философии Шпета субстанциональность в строгом метафизическом плане была бы, по нашему мнению, точнее выражена философско-психологическим понятием *Gestalt*, отражающим со-

бой структуру, образ, а также в определённом смысле и личность как образность, как отдельный персонаж¹. Термин *Gestalt*, которым периодически пользовался в своих работах Шпет (например, в работе «Внутренняя форма слова»), является, пожалуй, наиболее адекватным для обозначения основания феноменологического по форме, но социально значимого, личностного бытия. Это понятие есть ёмкое, многогранное понятие немецкого языка, лежащее на грани семиотики, философии, психологии [8]. *Gestalt* – стяживающее условие личностно-онтического, индивидуального в едином, конкретном живом бытии.

Не менее важную роль в прояснении онтогносеологической роли личности в философии Шпета сыграют исследования его трудов по философии искусства. В работе «Место абсолютного субъекта» философ пишет о понятии внутренней формы, о том, что есть абсолютный субъект, что есть единственный предикат в онтологическом кантовском смысле. «Шпетовское понятие абсолютного субъекта попадает в поле гносеологии и синтагматики культуры» [1, с. 23].

В перегруженных эмоциональными сентенциями трудах Г. Шпета понятие «личность» в явленной форме встречается неоднократно, порой в значениях, окрашенных разными эмоционально-волевыми тонами (по М.М. Бахтину), нашедшими своё применение по случаю определённых философских событий, волновавших

¹ *Gestalt* – форма, образ, (общий) вид, облик, личность (нем.). Цит. по: Зайцева З.Н. Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 82.

автора. Если в работе «Введение в этническую психологию» Шпет подчёркивает, что «личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет чувственные, онтические (что у Хайдеггера, есть *Dasein*, означает именно наличное «тубытие» (термины Вл. Соловьёва и Г. Шпета – Ю.К.), логические и поэтические формы» [8; 10; 11; 12]; то на страницах «Эстетических этюдов» автор делает неожиданное признание в том, что психологи не находили «седалища» человеческой души внутри человека лишь только потому, что она – снаружи. «Вся душа есть внешность. Человек живёт, пока у него есть внешность. И личность есть внешность» [8]. Проблема бессмертия для него есть проблема исключительно телесная (названная Шпетом проблемой «бессмертного овнешнения» [7, с. 106]). Разбирая тему субъекта, Шпет специально (и как всегда крайне эмоционально) подвергает разбору понятие субъекта психологического. Категорически отказываясь принять это понятие за имеющее право на объективность, Шпет утверждает, что «психологический субъект без вида на жительство и без физиологического организма есть просто выходец из неизвестного нам света, где субъекты не живут и физиологических функций не отправляют» [8]. «Всамделишный» (термин Шпета – Ю.К.) субъект для него есть конкретная живая личность, духовно-телесное единство. И именно в этом смысле «лицо субъекта выступает как некоего рода *репрезентант*, представитель, “иллюстрация”, знак общего смыслового содержания» [9, с. 286]. Необходимо специально подчеркнуть, что Шпет совершенно недвусмысленно относится к идее

разграничения понятийного и концептуального арсенала исследовательских средств философии и психологии. Он настаивает на том, что при «таком (психологическом – Ю.К.) подходе к проблеме ... яснее видна недопустимость субстанционального носителя коллективной души» [9, с. 122] и что «характеристика “носителя” коллективной души как типа, как идеального образования, утверждает принципиально описательный характер соответствующего исследования» [9, с. 122]. Шпет против придания статуса всеобщности понятию ограниченной функциональной полноты, коим является понятие субъекта, чётко разделяя «субстанционального субъекта» и «субъекта идеально-типического» [9, с. 124].

Мысль Г.Г. Шпета с очевидностью движется здесь в русле логики индивидуального объёма (как мы отмечали выше, особого инварианта органической логики Вл. Соловьёва). Он, в частности, утверждает, что «каждый индивид мог бы или должен бы составлять ... своё личное эстетическое уравнение, и с его помощью вносить поправку в субъективное переживание, возвращая ему его объективно-предметное значение» [8]. По поводу таким образом применяемой логики единичного объёма исследователь Л.А. Микешина пишет, что логика у Шпета есть логика «экземплярная», логическая «необобщаемость» индивидуального «Я», которое одновременно – по-гегелевски – «содержит в себе всё» [4, с. 32].

Область предметного, область объективного существует посредством и благодаря личностной активности, непричинно, но сущностно образуя

собой основу конкретного живого бытия. И здесь, как нам представляется, Шпет демонстрирует не столько своё новое увлечение идеями Дильтея, сколько глубинное философское понимание личностной субстанциональности в традициях русской философии, как она сложилась в 20–30-х гг. XX в. у М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, М.М. Рубинштейна и других мыслителей. От феноменологии – в движении через герменевтику – понятие личности находит свою законченную «авторскую» полноту в социальной психологии, где «лица» – предметы изучения психологии индивидуальной, дифференциальной (характерологии), или там, где предполагается коллективное лицо, коллективный субъект и носитель переживаний – психологии этнической, социальной, коллективной» [8].

Таким образом, историческое движение философской мысли Г.Г. Шпета от чистой феноменологии через герменевтику к построению в 1920-х гг. социальной философии личности говорит, на наш взгляд, о том, что философское творчество Шпета, встроенное в общую канву развития философии личности «второго абсолютного» (философии «всеединства»), обеспечивало существование положительной философии на русской почве, существование пусть в преобразованном новыми философскими открытиями виде, но всё же в традиции философии цельного знания, философии личности В.С. Соловьёва, в которой именно личность играет роль центрального системообразующего концепта онтического, живого конкретного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грюбер Р. «Красноречивей слов иных / Немые разговоры». Понятие формы в сборнике ГАХН «Художественная форма» (1927) в контексте концепции Густава Шпета, русских формалистов и Михаила Бахтина // *Логос*. 2010. № 2 (75). С. 11–34.
2. Книга «Явление и смысл» Густава Шпета и её значение в интеллектуальной культуре XX века: материалы конференции – круглого стола [Электронный ресурс] // *Вопросы философии*. 2014. № 5: [сайт]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=960&Itemid=52&option=com_content&task=view (дата обращения: 15.11.2017).
3. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодолённая феноменология. Вл. Соловьёв и М.М. Бахтин // *Вопросы философии*. 2012. № 1. С. 105–116.
4. Культурно-историческое сознание учёных-гуманитариев в контексте современных тенденций в науке: опыт федеральных университетов: материалы круглого стола – онлайн-конференции». Участники: Б.И. Пружинин, Ф.Е. Ажимов, В.В. Балановский, В.Х. Гильманов, О.Л. Грановская, И.Н. Грифцова, И.С. Кузнецова, Л.А. Микешина, В.И. Повилайтис, Д.В. Полянский, В.С. Попова, Р.Ю. Сабанчиев, Г.В. Сорина, В.А. Чалый, И.О. Щедрина, Т.Г. Щедрина, А.В. Юров, С.Е. Ячин // *Вопросы философии*. 2015. № 11. С. 5–37.
5. Плотников Н.С. От романтической герменевтики к феноменологии языка: Фридрих Шлейермахер – Павел Флоренский – Густав Шпет // *Вопросы философии*. 2009. № 4. С. 107–113.
6. Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г.Г. Шпет // *Comprehensio*. Шестые Шпетовские чтения: сборник статей и материалов международной научной конференции, Томск, 1–7 июля 2015 г. / отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Издательство Томского университета, 2015.

7. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 179 с.
8. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Научное наследие России: электронная библиотека. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10080437> (дата обращения: 15.11.2017).
9. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с.
10. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.
11. Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 376 с.
12. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы // Шпет Г.Г. Избранные труды / сост. Л.Г. Березовая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 524–677.

REFERENCES

1. Gryuber R. [“More Eloquent than Words. Silent Conversations”. The Concept of Form in the Collection of State Academy of Arts “Art Form” (1927) In The Context of the Concept of Gustav Spet, Russian Formalists and Mikhail Bakhtin]. In: *Logos*, 2010, no. 2 (75), pp. 11–34.
2. [The “Appearance and Sense” by Gustav Spet and its Importance in the Intellectual Culture of the Twentieth Century: proceedings of the Round Table Conference]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2014, no. 5. Available at: http://www.vphil.ru/index.php?id=960&Itemid=52&option=com_content&task=view (accessed: 15.11.2017).
3. Kolesnichenko Yu.V. [The philosophy of personality as a overcome phenomenology. Vl. Soloviev and M.M. Bakhtin]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 1, pp. 105–116.
4. Pruzhinin B.I. et al. [Cultural and Historical Consciousness of Scholars in Humanities in the Context of Modern Trends in Science: the Experience of Federal Universities. Proceedings of the Round Table Online Conference]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2015, no. 11, pp. 5–37.
5. Plotnikov N.S. [From Romantic Hermeneutics to Phenomenology of Language: Friedrich Schleiermacher – Pavel Florensky – Gustav Spet]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2009, no. 4, pp. 107–113.
6. [Phenomenological and Ontological Conception of G.G. Spet and Humanitarian Projects of the 20th–21st Centuries: G.G. Spet]. In: Mazayeva O.G., ch. ed. *Comprehensio. Shestyeh Shpetovskie chteniya: sbornik statei i materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tomsk, 1–7 iyulya, 2015 g.* [Comprehensio. The Sixth Readings Dedicated to G.G. Spet: A Collection of Articles and Materials of the International Scientific Conference, Tomsk, July 1–7, 2015]. Tomsk, Tomsk State University Press Publ., 2015.
7. Feshchenko V.V., Koval’ O.V. *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [The creation of the sign: essays on lingvistic and semiotics of art]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2014. 179 p.
8. Shpet G.G. [Introduction to Ethnic Psychology]. In: *Nauchnoe nasledie Rossii: elektronnaya biblioteka* [Scientific Heritage of Russia: electronic Library]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10080437> (accessed: 15.11.2017).
9. Spet G.G. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul’tury* [Art as a Form of Knowledge. Selected Works on Philosophy of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 712 p.
10. Spet G.G. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p.
11. Spet G.G. *Filosofskie etyudy* [Philosophical Studies]. Moscow, Progress Publ., 1994. 376 p.
12. Spet G.G. [Phenomenon and Meaning. Phenomenology as Fundamental Science and Its Problems]. In: Spet G.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 524–677.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии Института деловых коммуникаций;
e-mail: Julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD in Philosophy, head of the Department of Philosophy, Institute of Business Communications;
e-mail: Julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Неявленная субстанциональность философии Г.Г. Шпета (часть 2) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 93-101
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-93-101

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu.V. The Unmanifested Substantiality of G. Spet's Philosophy (part 2). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 93-101
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-93-101